

А. В. ГВОЗДЕВ

**Геополитические аспекты
философии культуры
славянофилов**

Москва
2019

издательство
powertex

Андрей Гвоздев

**Геополитические аспекты
философии культуры
славянофилов. Монография**

«Прометей»

2019

УДК 1(=161.1)(091)
ББК 87.3(2)5

Гвоздев А. В.

Геополитические аспекты философии культуры славянофилов.
Монография / А. В. Гвоздев — «Прометей», 2019

ISBN 978-5-907100-46-6

В монографии философия культуры славянофилов рассматривается в рамках нового междисциплинарного направления – культурной геополитики. Утверждается, что сравнительный анализ культур Запада и России, поиск начал самобытности православного славянства привели к появлению цивилизационного подхода в изучении общества, без которого не состоялась бы геополитика. В трудах славянофилов выявляются геополитические интуиции и образы, основанные на религиозных исканиях. Культурно-геополитические образы отражают представления славянофилов об одухотворенности пространства России и определяют ее место в мире. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 1(=161.1)(091)
ББК 87.3(2)5

ISBN 978-5-907100-46-6

© Гвоздев А. В., 2019
© Прометей, 2019

Содержание

Введение	6
1. Культурная геополитика	8
1.1. Теоретическое обоснование нового междисциплинарного направления	8
1.2. Географический детерминизм в культурной геополитике	12
1.3. Цивилизованный подход в культурной геополитике	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

А. В. Гвоздев
Геополитические аспекты философии
культуры славянофилов. Монография

Рецензенты:

Т. Ф. Кузнецова, доктор философских наук, профессор

О. О. Козарезова, кандидат философских наук, доцент

Издание 2-е, переработанное и дополненное

Автор выражает благодарность доктору культурологии, доценту А. В. Святославскому за помощь в подготовке монографии

© А. В. Гвоздев, 2019

© Издательство «Прометей», 2019

Введение

Существует мнение, что истоки российской геополитики коренятся в историческом споре о происхождении и характере русской нации. Безусловно, в исследовании этой проблемы славянофилы первыми добились заметных результатов.

Идеологическая борьба западников и славянофилов во второй четверти XIX в. вызвала не только философский и культурологический дискурс по поводу самобытности России, но и в некоторой мере определила вектор последующего геополитического мышления в России – противопоставление двух качественно различных цивилизаций: православно-славянской и германо-романской. Примечательно, что именно у представителя славянофильского направления в русской мысли – Н. Данилевского – обнаружился цивилизационный подход к изучению истории, без которого не могла бы возникнуть чуть позже геополитика. У него же мы находим уподобление цивилизаций живым организмам, многолетним цветковым растениям (органический подход), что также является шагом к геополитическому типу мышления. Следует отметить, что славянофилы и их последователи отталкиваются не от государства и национальных интересов, а от цивилизационной самобытности, поэтому мы можем говорить не просто о геополитике, а о культурной геополитике, или геокультуре.

За последние двадцать лет вышло огромное количество работ о славянофилах, писали о различных аспектах их творчества: историософском, гносеологическом, антропологическом, религиозном.

Предмет исследования данной монографии находится между двух дисциплин: философией культуры и геополитикой.

Философия культуры и цивилизационная компаративистика славянофилов – предмет довольно новый для исследования. Это направление представлено лишь несколькими диссертациями. За названный период были защищены: докторская диссертация В. Б. Храмовым¹, кандидатские диссертации М. В. Исаевой², Е. А. Чукаевой³, О. В. Величкиной⁴.

Не остался без внимания и политический аспект славянофильской доктрины. Здесь уместно указать на работы

А. А. Васильева⁵, вышедшие совсем недавно одна за другой, в которых автор делает акцент на актуальности для современной России принципиального антизападничества славянофилов.

Что касается геополитической интерпретации наследия славянофилов, то специально посвященных этой теме работ на сегодняшний день нет. Правда, многие историки русской геополитики указывают на большое значение достижений славянофилов для становления данной дисциплины в русской национальной форме. Такую, например, оценку можно встретить в первой коллективной монографии по истории русской геополитики⁶.

¹ Храмов В. Б. Учение о культуре и истории П. Я. Чаадаева и «старших» славянофилов: дис. ... док. филос. наук: 24.00.01. Краснодар, 2003.

² Исаева М. В. Исторические корни русской культуры в творчестве ранних славянофилов: дис. ... канд. Культурологии: 24.00.02. Нижневартовск, 1997.

³ Чукаева Е. А. Антропологическая проблематика в культурологическом наследии славянофилов: дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01. М., 2004.

⁴ Величкина О. В. Межцивилизационный синтез в России: славянофилы, западники, В. С. Соловьев: дис. канд. культурологии: 24.00.01. Краснодар, 2005.

⁵ См.: Васильев А. А. Государственная доктрина славянофилов: монография. Барнаул: СибАГС, 2009; Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов. М.: Институт русской цивилизации, 2010; Васильев А. А. Очерки истории русской консервативной правовой мысли в XIX в. (славянофильство и почвенничество). М.: Юрлитинформ, 2011.

⁶ См.: Алексеева И. В., Зеленов Е. И., Якунин В. И. Геополитика в России: между Востоком и Западом (конец XVIII – начало XX вв.). СПб.: Из-во С-Петербурга. ун-та, 2001.

Современный российский геополитик К. Э. Сорокин подчеркивает злободневность этой темы: «Но все же геополитика может и должна послужить России. Хотя модернизация данной науки в случае нашей страны должна быть, видимо, даже более глубокая, чем на Западе. Ведь десятилетиями она развивалась западными учеными и обслуживала прежде всего западные интересы, поэтому ее использование у нас потребует внесения “национально-цивилизационных” поправок (вот здесь как раз и могут пригодиться идеи, наработанные в спорах западников, славянофилов и евразийцев)»⁷.

В трудах русских мыслителей XIX в. трудно найти геополитику в чистом виде, но мы можем говорить о генезисе геополитических идей и подходов, о геополитических интуициях в их текстах. Подобные тексты современный политолог Вадим Цымбурский (1957–2009) назвал «окологео-политическими»⁸.

⁷ Сорокин К. Э. Геополитика современности и геостратегия России. М.: Рос. полит. энцикл., 1996. С. 13.

⁸ См.: Цымбурский В. Л. Тютчев как геополитик // Цымбурский В. Л. Остров Россия: геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. – С. 369.

1. Культурная геополитика

1.1. Теоретическое обоснование нового междисциплинарного направления

Геополитика выделилась из политической географии в XX в. Геополитика моделирует выработку политических решений, сопряженных с использованием географического фактора. Цель геополитики – политическое проектирование. Суть деятельности геополитика заключается в том, что он придает актуальный политический смысл географическим факторам.

Понятие «геополитика» было введено шведским политологом Рудольфом Челленом в 1916 г. в книге «Государство как форма жизни». Однако основные концепты этой науки выдвигались и ранее. Немецкий географ Фридрих Ратцель (1844–1904) отождествлял государство с живым организмом, который рождается, крепчает, стареет и умирает. Жизнь государственного организма во многом детерминирована географическими факторами. Государству как организму нужно жизненное пространство. Ратцель и Челлен в государстве видели не только «тело» – территорию, но и «душу» – нацию. В свое время крупные наднациональные образования – культурно-исторические типы – Николай Яковлевич Данилевский (1822–1885) уподоблял многолетним цветковым растениям. Еще ранее рассматривать социальные объекты как живые организмы начал древнегреческий историк Полибий (ок. 200 – ок. 120 г. до н. э.).

Таким образом, геополитика – наука, система знаний о контроле над пространством. Если политика вообще – «стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти»⁹, то геополитика – это стремление к участию в контроле над пространством или к оказанию влияния на распределение контроля над пространством.

В ходе развития геополитики сложилось несколько доминирующих подходов.

- Классический подход подразумевает военно-стратегическое превосходство государства в благоприятной географической среде (Карл Хаусхофер).

- Геоэкономический подход сосредоточивается на решающем факторе перераспределения ресурсов и мирового дохода, а также привлекательности высокого уровня жизни (Джон Гэлбрейт).

- **«Новейшая геополитика** преодолевает узость традиционной и новой геополитики с доминирующим географическим или экономическим детерминизмом. Новейшая геополитика, фундаментом которой служит *геофилософия*, переносит акцент на многомерное пространство, учитывающее разнообразие культурно-генетических кодов. Поэтому в ее основе – *захват территорий с опорой на центрические технологии манипулирования сознанием (подсознанием) граждан государства, которое является объектом воздействия*»¹⁰. Применение цивилизационного подхода в новейшей геополитике позволяет называть ее *цивилизационной геополитикой*. «История свидетельствует, что мировая цивилизация способна устоять против любого внешнего вызова, если сохраняются ее менталитет и нравственные ценности (центр в душе)»¹¹.

В контексте новейшей геополитики возможна постановка вопроса о культурной геополитике, которая бы сосредоточивала внимание на духовном аспекте (ценностном, ментальном, эстетическом и т. п.) борьбы за жизненное пространство.

⁹ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избр. произв. М.: Прогресс, 1990. С. 646.

¹⁰ Дергачев В. А. Новейшая геополитика // Институт геополитики профессора Дергачева: сетевой проект: аналитический и образовательный портал. 2008–2010. URL: <http://www.dergachev.ru/geof/index.html> (дата обращения: 24.08.2012).

¹¹ Дергачев В. А. Геополитика: учебник для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. С. 77.

Презентация новой дисциплины предполагает обозначение объекта и предмета исследования. Объект культурной геополитики – культурно-географические явления в их связи с политическими процессами. Попытки синтезировать науки о культуре с географией в XX в. уже были. Так, культурная геополитика близка культурной географии, которая изучает культурные явления в пространственно-географическом контексте, то есть территориальное распределение культурных характеристик по отраслям и проекцию географических представлений в продуктах духовной культуры. Одной из таких отраслей является политическая культура. География политической культуры изучает устойчивые образцы политического поведения, привычки, убеждения и представления, связанные с политикой, свойственные населению той или иной территории.

Предмет культурной геополитики – влияние культурного фактора на политические процессы в контексте планетарного пространства, а также влияние этих процессов на характер и содержание культурной динамики. Короче говоря, это борьба культур за «место под солнцем», то есть за свое жизненное пространство, а также изменения, которые происходят в результате этой борьбы.

Одним из аспектов подобной борьбы является проведение внешней культурной политики. В настоящее время государства ведут активную деятельность в этой сфере. «Культура обладает достаточно мощным потенциалом в развитии международных отношений, поскольку, будучи разновидностью так называемой мягкой власти, она обладает теми бесспорными преимуществами, которые отсутствуют у экономических и политических рычагов давления. Сегодня нет практически ни одной страны в мире, которая бы не обращалась к культуре как мощному инструменту своей внешней политики для построения конструктивных отношений на двусторонней и многосторонней основе, формирования позитивного образа в зарубежной аудитории, поддержания своего международного авторитета»¹². Так как субъектом геополитики могут быть не только государства, то культурную политику на международной арене могут осуществлять общественные организации, научные и учебные заведения, транснациональные корпорации, религиозные конфессии и даже отдельные люди. Культурную геополитику в первую очередь интересует, какие геостратегические интересы преследуют эти организации, какие отношения (конкуренции, доминирования или кооперации) они пытаются сделать основой межкультурного взаимодействия. Часто бывает, что под прикрытием «культурного обмена» и «диалога культур» политические акторы преследуют эгоистические геополитические цели.

Надо сказать, что классики геополитики не избегали обсуждения влияния культурного фактора. Хальфорд Маккиндер разработал основные черты социокультурных стереотипов: жителя морской страны и жителя континентальной страны. Стереотипы отличаются доминирующими ценностями. Жителю морской страны более свойственны индивидуализм и стремление к свободе. Житель континентальной страны предпочитает иерархию и коллективизм. Противоборство этих двух стереотипов является двигателем истории. По мнению Маккиндера, наиболее сильными сторонами социокультурного стереотипа жителя морской державы являются этические ценности свободы и демократии. Эти страны должны «проникать на материковую сердцевину с идеями океанической свободы»¹³. Идеи Маккиндера проистекают из географического детерминизма, предполагающего влияние географического фактора на ментальность.

¹² Боголюбова Н. М., Николаева Ю. В. Внешняя культурная политика России и зарубежных стран: учеб. пособие. СПб.: Из-во Санкт-Петербургского ун-та, 2008. С. 3.

¹³ Приводится по: Андрианова Т. В. Геополитические теории XX в. (социально-философское исследование). М.: ИНИОН, 1996. С. 63.

В конце XX в. гуманитарная география обратила свой взор в обратную сторону, на изучение географических образов в конкретных культурах, то есть исследователь теперь идет не от географии к человеку, а от человека к географии.

Термин «культурно-историческая геополитика (геософия)» был введен итальянским философом, литературоведом-русистом Витторио Страда в 1997 г. По его мнению, новая дисциплина изучает и интерпретирует «большие пространства, на которые разделена наша планета, и внутреннюю структуру каждого такого пространства, предстающего в виде определенной государственной системы, а следовательно, и особого исторического процесса»¹⁴.

Большие пространства, ареалы характеризуются пространственным и временным динамизмом, они связаны друг с другом «отношением притяжения и отталкивания»¹⁵. Пространственно-временную характеристику политического самосознания В. Страда называет хронотопом. В качестве примера он приводит фрагмент из произведения Пушкина «Путешествие в Арзрум». В ходе русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Россия оккупировала Историческую Армению, город Эрзурум на два месяца оказался в составе империи. Пушкин отправился туда в путешествие. Так он описывает переправу через пограничную реку Арапчай: «Никогда еще не видал я чужой земли. Граница имела для меня что-то таинственное; с детских лет путешествия были моею любимой мечтою. Долго вел я потом жизнь кочующую, скитаясь то по югу, то по северу, и никогда еще не вырывался из пределов необъятной России. Я весело въехал в заветную реку, и добрый конь вынес меня на турецкий берег. Но этот берег был уже завоеван: я все еще находился в России»¹⁶. Пространственная характеристика хронотопа России, по В. Страде, заключается в ощущении необъятности пространства, подвижности границы, перемещающейся в направлении завоеванных земель, а временная характеристика заключается в ощущении политико-институциональной отсталости, необходимости модернизации по западному образцу. Россия, расширяясь на восток, колонизировала сама себя. США, расширяясь на запад, освобождались от европейского феодализма. Страда игнорирует тот факт, что крепостного права в Сибири как такового не было. «Отношение Пространства и Времени не могло не быть разбалансированным: если на начальной стадии русской истории, когда происходит объединение русских земель вокруг Москвы и расширение их на Восток, доминирующую роль играет Пространство, то на втором этапе, начиная с Петра Великого, на первое место выступает Время, но при этом территориальная экспансия отнюдь не прекращается. В этот период, как Петру подсказало чутье, для России главным становится преодоление отсталости (историко-временной) по сравнению с Западной Европой, то есть “модернизация”»¹⁷.

«Каковы невидимые границы русской культуры в мире без границ, где больше нет территориальных империй, зато возникают новые, виртуальные империи, основанные скорее на культуре, экономике, науке, чем на военной мощи? – заключает В. Страда, – Культурно-историческая геополитика становится важнейшим инструментом в руках тех, для кого эти вопросы имеют принципиальное значение»¹⁸.

В современной литературе часто употребляется термин «геокультура». Каково его отношение к культурной геополитике?

Сам термин «геокультура» был введен в общественные науки американским политологом Иммануилом Валлерстайном. Геокультура, по Валлерстайну, – это культурное основание господствующей мир-системы¹⁹.

¹⁴ Страда В. Хронотоп России // Новая Юность. 1997. № 5–6. С. 111.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 110.

¹⁷ Там же. С. 111–112.

¹⁸ Там же. С. 112.

¹⁹ См: Рахманов А. Б. Валлерстайн // Культурология: энциклопедия. В 2 т. Т. 1 / глав. ред. С. Я. Левит. М.: РОССПЭН, 2007. С. 300.

Исследователь геокультуры Вячеслав Кузнецов в своей фундаментальной монографии дает такое определение: «Геокультура – это смысл, форма и сфера деятельности человека, народов мира и государств в культурном масштабе на основе уважительного диалога, культуры мира и безопасности по поводу формулирования, уточнения и достижения личных, национальных и цивилизационных целей, идеалов, ценностей, интересов; сохранения, развития и защиты норм и традиций людей, семей, наций и обществ, их социальных институтов и сетей жизнеобеспечения от неприемлемых вызовов, рисков, опасностей и угроз»²⁰.

У современного специалиста по культурной географии Дмитрия Замятина понятие «геокультура» неоднозначно. В статье «Стратегии интерпретации историко-географических образов России» он связывает геокультуру с географическими образами: «Под геокультурой понимаются процесс и результаты развития образов пространства в конкретной культуре, а также “накопление”, формирование традиции культуры осмысления образов пространства. Другими словами, культура как бы коллекционирует определенные географические образы, приобретая при этом те или иные образно-географические конфигурации»²¹.

В статье «Понятие геокультуры: образ и его интерпретации» Замятин геокультуру, или вернее геокультуры, так как, по его мнению, геокультур существует множество, отождествляет с цивилизациями, порождающими географические образы: «Иногда роль геокультуры, “излучающей” и распространяющей свои образы, выполняют крупные и мировые религии. Несомненными геокультурами являются ислам, буддизм, католичество, протестантизм. К геокультурам относится и большинство империй, формирующих свои культурные круги (геокультурные периферии)»²². И. Валлерстайн последнее явление называет мир-империей.

Таким образом, в интерпретации И. Валлерстайна и В. Кузнецова геокультура – это часть глобалистики, ее теоретические эволюционные основания. В интерпретации Д. Замятина геокультура близка к культурной геополитике. Культурная геополитика – часть геополитики, которая основывается на цивилизационном подходе – культурные системы конкурируют, борются за доминирование, кооперируются. В рамках культурной геополитики возвращает свою актуальность религиозный фактор.

²⁰ Кузнецов В. Н. Геокультура: Основы геокультурной динамики безопасности в мире XXI: Культура – Сеть. М., 2003.

²¹ Замятин Д. Н. Стратегии интерпретации историко-географических образов России // Мир России. 2002. № 2. С. 109.

²² Замятин Д. Н. Понятие геокультуры: образ и его интерпретации // Социологический журнал. 2002. № 2. С. 6.

1.2. Географический детерминизм в культурной геополитике

Географический детерминизм является одним из основных источников геополитики. Исследуя проблему зависимости культуры от ландшафта, географический детерминизм не теряет своей актуальности для культурной геополитики.

Мысли о влиянии географической среды (климата, почв, рек, морей) на историю встречаются у античных авторов Геродота, Гиппократ, Фукидида и других.

Аристотель (384–322 гг. до н. э.) в трактате «Политика» оценивает выгодность положения Крита: «Остров Крит как бы предназначен к господству над Грецией, и географическое положение его прекрасно: он соприкасается с морем, вокруг которого почти все греки имеют свои места поселения; с одной стороны, он находится на небольшом расстоянии от Пелопоннеса, с другой – от Азии, именно от Триопийской местности и Родоса»²³.

Полибий объясняет суровость нравов жителей Аркадии господством туманного и холодного климата.

Географический детерминизм был востребован в эпоху великих географических открытий. Французский философ Жан Боден (1530–1596) в работе «Шесть книг о государстве» связывал политическое устройство с Божественной Волей, человеческим произволом и влиянием природы. Под последним он имел в виду, прежде всего, географические факторы, особенно климат. Землю он делил на три части: экваториальную, полярную и умеренную. Характер народов также ставится в соответствие с климатическими условиями. На севере люди более сильные и воинственные, на юге живут более одаренные народы.

Французский просветитель Шарль Монтескье (1689–1755) в работе «О духе законов»²⁴ высказывает мысль, что в холодном климате люди более нравственны, а в умеренном – более неустойчивы. Жаркий климат расслабляет характер людей, что приводит к развитию рабства.

Немецкий философ культуры Иоганн Гердер (1744–1803) в книге «Идеи к философии истории человечества» в качестве культуuroобразующих признаков выделяет органическое строение человека, климат, горы, животный и растительный мир, географическое положение. «Если бы Европа была богата, как Индия, если бы материк Европы был однообразным, как Татария, жарким, как Африка, замкнутым, как Америка, то не было бы ничего из того, что выросло и сложилось в Европе. Даже погруженной в глубокое варварство Европе географическое положение ее позволило вновь добыть свет знания; но более всего полезны были ей реки и моря. Пусть не будет Днепра, Дона и Двины, Черного, Средиземного, Адриатического морей, Атлантического океана, морей Северного и Восточного с их берегами, островами, реками – и вот уже нет почвы для того великого торгового союза, который привел в движение Европу и приучил ее к прилежному труду»²⁵.

В XIX в. география начинает разработку своих гуманитарных направлений. Немецкий географ Карл Риттер (1779–1859) благоприятное развитие Европы связывал с относительной ее закрытостью от мирового океана, близостью других частей света и ограниченностью ее пространства: «Таким образом, Европа, по положению своему относительно других материков уподобляется плоднику в середине цветка, к которому ведут все соконосные сосуды и которому принадлежат все лиственные украшения»²⁶.

²³ Аристотель. Политика // Аристотель. Политика. Афинская полития. М.: Мысль, 1997. С. 85.

²⁴ См.: Монтескье Ш. Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999.

²⁵ Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. С. 607.

²⁶ См.: Риттер К. Европа. М.: Из-ие А. И. Глазунова, 1864. С. 24.

Результатом всей жизни Риттера стало фундаментальное исследование «Землеведение» в десяти томах (1822–1859 гг.), целью которого ставилось изучение связи ландшафта с духовным миром человека: землеведение «должно рассматривать землю как жилище рода человеческого»²⁷. Риттер ввел понятие «географического ареала», под которым понимал как состояние общества в контексте природной среды, так и состояние географической среды в контексте деятельности человека. Подобным образом Риттер излагает историю великих народов древнего мира, мировых религий средневековья, великих географических открытий. Периоды высшего культурного развития Риттер связывал с достижением гармоничного равновесия между средой и социумом.

Своего апогея географический детерминизм достиг в творчестве немецкого географа Фридриха Ратцеля (1844–1904), который находился под влиянием землеведения Риттера и признавал влияние географической среды на развитие народа, государства, культуры. В своей итоговой работе «Земля и жизнь» (1901–1902) он предлагает органическое понимание земли, рассматривая ее как единое целое, где живая и неживая материи исторически развиваются в непрерывном взаимодействии. Ратцель начинает изложение с описания земли как космического тела, а заканчивает описанием человека и культуры в географической среде – антропогеографией. *Антропогеография*, по выражению немецкого ученого, «каждому народу отводит на земле соответствующее ему место»²⁸. Цель антропогеографии – изучение человека, насколько он зависит от пространственных отношений земли или находится под их влиянием. Ратцель систематизировал эти влияния, которые распространяются на физические и психологические особенности рас, на распределение народов по земному шару, на социальные институты того или иного народа. Так же, как и его предшественник Риттер, Ратцель утверждал, что географические условия имеют решающее значение лишь на ранних этапах развития; по мере акклиматизации, заимствований, развития науки происходит накопление народного богатства, и человеческий дух становится самостоятельным фактором истории.

В книге «Народоведение» Ратцель делает предметом исследования «изучение забытых, более глубоких слоев человечества»²⁹. Численность населения связана с почвой. «Организация народов внеевропейского культурного круга не допускает плотного народонаселения. Небольшие общины, обрабатывающие маленькие клочки земли, отделены друг от друга обширными пустыми пространствами, служащими для охоты или остающимися без всякого употребления. Они значительно ограничивают сношения между людьми и делают невозможными большие скопления людей. <...>

В густом населении заключаются не только прочность и порука энергичного развития, но и непосредственный стимул культуры. Чем ближе люди соприкасаются между собою, тем ближе они принимают участия друг в друге, тем менее погибает культурных приобретений, тем выше поднимается соревнование в проявлении сил. Умножение и укрепление численности народа находится в самой тесной связи с развитием культуры; редкое население в обширной области связано с низкой культурой; в старых и новых культурных центрах мы видим плотно скученные народные массы. <...>

Редкое население уже само в себе заключает повод к упадку; его небольшая численность легче подвергается ослаблению и исчезновению»³⁰.

Начало истории человечества Ратцель связывал с освоением моря. Народоведение несовершенно, если оно изучает только земледельцев и скотоводов, кочевников и охотников. Морские народы являются подлинными двигателями истории, распространяясь с берега на берег,

²⁷ Риттер К. Общее землеведение. М.: Из-ие А. И. Глазунова, 1864. С. 7.

²⁸ Ратцель Ф. Земля и жизнь: Сравнительное землеведение: в 2 т. Т. 2. СПб.: АО Брокгауз и Ефрон, 1906. С. 699.

²⁹ Ратцель Ф. Народоведение: в 2 т. Т. 1. 4-е изд. СПб.: Просвещение, 1904. С. 3.

³⁰ Там же. С. 10–11.

с острова на остров, они несут свою, более развитую оригинальную культуру. Морская кочевая жизнь обусловлена избытком населения. История Египта и Китая, где подобного явления не наблюдалось, однообразна, она рано приходит к застою. Ратцель делает вывод, что на континенте возможны лишь полукультуры, а пастушеские народы вообще враждебны культуре; настоящие мировые державы владели морем – Рим, Испания, Англия.

В книге «Политическая география» (1897) Ратцель уподобляет государства живым организмам, которые ведут борьбу за *жизненное пространство* на географической арене, то сужаясь, то расширяясь, то рождаясь, то умирая. Географические условия оказывают влияние на политические предпочтения народов. Естественная пространственная изоляция, например, островная, приводит к слабо централизованной политической власти. Отграниченность от соседей горами и водными преградами способствует традиционализму и национализму. Равнины и море рождают дух экспансии; проживание на открытой равнине, сопряженное с постоянной угрозой вторжения, способствует политической централизации. Эти идеи нашли дальнейшее развитие в геополитике. Также Ратцель утверждал, что рост государства происходит вместе с ростом его культуры.

В начале XX в. как реакция на географический детерминизм возникает новое направление – географический поппсбилизм (от лат. *possibilis* – возможный), изучающее не столько обусловленность, сколько набор возможностей, которые природа предоставляет человеку. В трудах «отца американской антропологии» Франца Боаса (1858–1942) природная среда рассматривается лишь как фундамент, на котором могут развиваться различные в культурном отношении этнические общности.

Как пример поппсбилизма в историографии отметим творчество Фернана Броделя (1902–1985), представителя школы «Анналов». В его классическом труде «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II»³¹ указывается на непрременную важность историко-географического контекста, в котором находятся и развиваются тот или иной регион, страна, континент.

³¹ См.: Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: в 3 ч. Ч. 1. Роль среды. М.: Яз. рус. культуры, 2002.

1.3. Цивилизованный подход в культурной геополитике

Сейчас в отечественной культурологии является общепризнанным, что родоначальником цивилизационного подхода был русский ученый Н. Я. Данилевский. Правда, по этому поводу В. С. Соловьев (1853–1900) инициировал спор, утверждая, что концепция культурно-исторических типов была «списана» у немецкого историка Генриха Рюккерта.

Биограф Данилевского и пропагандист его взглядов Н. Н. Страхов (1828–1896) категорически отрицал плагиат: «Но один Н. Я. Данилевский оценил все значение этой мысли и развил ее с полной ясностью и строгостью. Рюккерт не только не положил ее в основание своего обзора, а говорит о ней лишь в прибавлении (Anhang) ко всему сочинению, в конце второго тома»³². Соловьев в ответ на это утверждение заявил, что слова Страхова «прямо противостоят истине. Мысль о культурно-исторических типах излагается Рюккертом в нескольких главах первого тома»³³. В подтверждение этого тезиса Соловьев приводит ряд крупных цитат, из которых следует, что Рюккерт не признавал одного направления в историческом развитии человечества. Прав был Соловьев или нет, можно узнать, лишь изучив двухтомник Рюккерта «Учебник всемирной истории в органическом изложении», который с 1857 г. не переиздавался и на русский язык не переводился.

Даже если идея культурно-исторических типов высказывалась ранее, это не умаляет оригинальности произведения Данилевского. В гуманитарных науках важно не только высказать идею, но и суметь ее удачно аргументировать, интерпретировать факты, сделать актуальной, то есть превратить в законченную непротиворечивую теорию. О том, что такие случаи бывают, писал сам Соловьев: «Норманнские пираты (а, может быть, задолго до них и финикийские купцы) доходили не раз до берегов Нового Света, но все-таки открытие Америки по справедливости приписывается не им, а Христофору Колумбу, ибо только после его путешествий заатлантические страны навсегда были присоединены к остальному миру и вошли в общее историческое движение»³⁴.

Первая глава книги Данилевского «Россия и Европа» называется «1864 и 1854 годы». Здесь разбираются два исторических факта. В 1864 г. Пруссия и Австрия напали на Данию, «государство невоинственное, просвещенное, либеральное и гуманное в высшей степени»³⁵. В ответ на это – спокойная реакция европейских стран. В 1854 г. Англия и Франция объявили войну России за то, что она попыталась защитить своих единоверцев. «Откуда же это равнодушие к гуманной, либеральной Дании и эта симпатия к варварской, деспотичной Турции, – эта снисходительность даже к несправедливым притязаниям Австрии с Пруссией и это совершенное неуважение к самым законным требованиям России?»³⁶

³² Страхов Н. Н. Жизнь и труды Н. Я. Данилевского // Данилевский Н. Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. М.: Эксмо, 2003. С. 576.

³³ Соловьев В. С. Немецкий подлинник и русский список // Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1989. С. 566.

³⁴ Там же. С. 562.

³⁵ Данилевский Н. Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. М.: Эксмо, 2003. С. 15.

³⁶ Там же. С. 16.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.